

Один

Я расскажу вам о маленьком Йоханнесе. Это правдивая история, хотя во многом она и похожа на сказку. Если вы не верите, что все описанное мною произошло на самом деле, то лучше не читайте дальше, потому что в таком случае я пишу не для вас. И не делитесь своими сомнениями с самим Йоханнесом, если вам доведется встретиться с ним, иначе он огорчится, а мне будет досадно, что я все это вам поведал.

Йоханнес жил в старом доме с большим садом. Дом опутывали бесчисленные темные коридоры, лестницы и чердаки, а сад пересекали ограды и теплицы, так что в этом лаби-

ринте немудрено было заблудиться. Для Йоханнеса то был целый мир. Он совершал в нем дальние странствия и придумывал названия всему, что открывал на своем пути.

Все названия в доме имели отношение к царству животных: гусеничный чердак, на котором Йоханнес выращивал гусениц; или куриная комната, где однажды он обнаружил курицу — она, кстати, не сама в нее забралась, это мама Йоханнеса посадила ее туда нестись. В саду он подбирал созвучные растениям названия и следил за наиболее дорогими его сердцу творениями — малиновой горой, грушевым лесом и клубничной долиной. В глубине сада находилось место, которое Йоханнес окрестил раем. Место было восхитительное! Там, на широком пруду, плавали белые водяные лилии, а камыш подолгу шептался с ветром. Сам рай представлял собой крошечную лужайку, окруженную густым кустарником и зарослями купыря. С лужайки открывался вид на дюны по другую сторону пруда. Йоханнес частенько лежал в густой траве и глядел сквозь шуршащий камыш на верхушки дюн, возвышающиеся над водой. Он проводил там все летние вечера и часами смотрел вдаль. При этом он никогда не скучал. Йоханнес размышлял о спокойной прозрачной воде в пруду, о том, как там, навер-

ное, чудесно — в гуще водных растений, в таинственном сумеречном свете, — или о далеких цветных облаках, плывущих над дюнами, о том, как было бы здорово полететь к ним и разузнать, что за ними скрывается. При заходе солнца облака громоздились друг на друга, образуя исполинский грот, в глубине которого горел розово-красный свет. Йоханнес мечтал попасть в этот грот. «Вот бы туда слетать! — думал он. — Ну хоть разочек».

Однако стоило ему окунуться в свои мечты, как грот всякий раз распадался на сизобурые облака, на пруду становилось промозгло, и Йоханнес неохотно возвращался в свою темную комнату в старом доме.

Йоханнес жил в доме не один: у него были заботливый папа, собака Престо и кот Симон. Разумеется, больше всех он любил папу, хотя Престо и Симона он вовсе не считал существами низшего порядка, как это свойственно взрослым. Престо он доверял даже больше секретов, чем папе, а к Симону относился не иначе как с глубоким почтением. И неудивительно! То был кот внушительных размеров, с блестящей черной шерстью и пушистым хвостом. По всему было видно, что он твердо убежден в своей значимости и умудренности. Он сохранял важный вид, да-

же когда снисходил до того, чтобы погонять по полу пробку, или когда, прячась за деревом, смаковал протухшую рыбью голову. Глядя на восторженного по натуре Престо, кот лишь презрительно сощуривал зеленые глаза и думал: «Ох уж эти собаки! Ничего не смыслят в жизни».

Теперь вы понимаете, почему Йоханнес благоговел перед ним. Каштановому же Престо он безгранично доверял. Пес не мог похвастать ни породистостью, ни знатной родословной, но был необычайно дружелюбным и умным. Он не отходил от Йоханнеса ни на шаг и терпеливо выслушивал рассказы своего хозяина. Излишне говорить, как сильно Йоханнес любил Престо. Однако в его сердце оставалось еще много пространства для любви. Например, к темной комнате с крошечным окошком, где он спал. Он любил обои с крупными узорами, похожими на лица людей. Он изучал эти затейливые орнаменты, нежась по утрам в постели или же когда хворал. Любил он и висящую на стене единственную картину с изображением чопорных людей в еще более чопорном саду с зеркальными прудами, где вздымались до небес фонтаны и красовались кокетливые лебеди. При всем при том больше всего он любил настенные часы. Он заботливо их заводил

и всякий раз во время боя бросал на них уважительный взгляд. Если, конечно, не спал. Случалось, что по недосмотру Йоханнеса часы останавливались, и тогда, мучимый чувством вины, он тысячу раз просил у часов прощения. Возможно, вы улыбнетесь, услышав, что Йоханнес общался со своей комнатой. Вспомните, как часто вы разговариваете сами с собой. При этом вам ни капельки не смешно. К тому же Йоханнес был уверен, что немые собеседники его понимают, и не нуждался в ответе. Втайне он все-таки надеялся, что часы или обои когда-нибудь отзовутся.

У Йоханнеса были школьные приятели, но назвать их друзьями он бы не решился. Он играл с ними в разбойников и проказничал в школе, но по-настоящему хорошо ему было только дома, наедине с Престо. Там он прекрасно обходился без сверстников, чувствуя себя в полной безопасности и совершенно свободным.

Отец Йоханнеса был серьезным и рассудительным человеком. Он часто брал сынишку с собой в лес или в дюны, где они подолгу гуляли, почти не разговаривая. Отстав от отца шагов на десять, Йоханнес приветствовал цветы и старые деревья, навечно прикованные к одному и тому же месту, дружески поглаживая их по шершавой коре. В ответ

добрряки великаны благодарили его шелестом листвы.

Бывало, что отец Йоханнеса чертил буквы на песке, а Йоханнес складывал их в слова, или учил сына названиям из мира флоры и фауны. А иногда ни с того ни с сего останавливался и замолкал.

Йоханнес донимал отца разнообразными вопросами, потому что видел и слышал вокруг много всего загадочного. Подчас это были наивные вопросы: откуда взялся этот мир? почему умирают животные и растения? бывают ли на свете чудеса? Отец Йоханнеса был мудрым человеком и не рассказывал сыну всего того, что знал сам. Он считал, что так разумнее.

Перед сном Йоханнес всегда долго молился. Его научила этому няня. Он молился за отца и за Престо. Симону его молитва не требовалась, думал он. Потом он долго молился за себя и под конец, как правило, просил, чтобы случилось чудо.

После заключительного «Аминь» Йоханнес, затаив дыхание в предвкушении волшебства, оглядывал полутемную комнату, узоры на обоях, казавшиеся еще более замысловатыми в тусклом свете сумерек, дверную ручку и часы. Увы, часы продолжали отстукивать все тот же лейтмотив, дверная ручка не дви-